

Душа ёлки

Зелёная ёлка, новогодняя кудесница, почему так трудно отвести взгляд от блеска её игрушек и разноцветных огоньков? А хвойный запах наполняет помещение, создавая какую-то особую необычную атмосферу. Даже уколы иголок во время ритуала обряжания умиротворяют нас. Что служит причиной подобного воздействия на человеческую психику? Можно ли свести всё объяснение к успокаивающим свойствам зелёного цвета и фитонцидов хвои? Не имеет ли ёлка в действительности своё особое биополе, вызывающее в нас ощущение праздника?

Словно эти лесные создания пытаются внушить нам, что приходится живыми сёстрами по нашей единственной планете, одновременно передавая нам бодрость, энергию жизни и внутреннее равновесие.

Ёлка приходит в дом таинственной вестницей прошлого, связующим звеном с погибающей природой, вечнозелёным воззванием зимнего леса к человеческой совести. Новогодняя наряженная ёлка по-прежнему почитаема всюду, несмотря на то, что подлинное значение, скрытый смысл ритуала давно утрачен в глубине веков. Дело дошло до того, что синтетические ёлки всё больше заменяют свои естественные прототипы. Своего рода, ёлочные роботы, суррогаты, от которых не исходит ни запаха, ни магической теплоты настоящих лесных красавиц. И, тем не менее, они спасают большую часть хвойных угодий от предновогодней вырубки.

Поклоняясь этому фетишу и чувствуя внутреннюю значимость обряда, тем не менее, мы так и не можем уловить истинную вечно ускользающую суть.

Вероятно, для того, чтобы ёлка полностью проявила себя, открыла нам свою душу, необходимо сочетание определённых условий, пока нам

неведомых. Более того, пока только маленькие дети могут воспринять душу ёлки, их мозг идеально приспособлен к контакту с ней. Позже, когда они взрослеют, остаются лишь смутные воспоминания об утраченной способности – подобно тому, как до полугодичного возраста малыши могут плавать безо всякого обучения, пока сохраняется врождённый природный навык.

В чём тут дело: какое-то особое излучение, слишком утончённое для наших нечутких приборов, предназначенное лишь для детского восприятия? Может быть... Думается, в ёлках заключено огромное количество древнего знания, иглы её могут оказаться своего рода антеннами, передающими это излучение, этот флюид. Достаточно посмотреть на детский хоровод у ёлки, чтобы ощутить настроение праздника или хотя бы понять, что здесь творится нечто сверх нашего разума. А ведь так и происходит наиболее полное общение детей с ёлкой – обязательный хоровод, как бы настраивающий на определённое восприятие, одновременно усиливающий его, и в центре – передатчик эмоций, сама ёлка. О чём же может она поведать при этом? Дать программу на всю жизнь, внушить понятия о добре и зле, благородстве, любви к природе? Но если бы это было так, то разве взрослые, выросшие с обязательными ежегодно украшаемыми прелестницами, продолжали бы столь варварски рубить их на потеху?

А может, их сигналы всё-таки не доходят по назначению, и мы воспринимаем лишь эмоциональный фон? Как они ни стараются внушить нам веру в себя, достоинство, уважение и любовь ко всему живому, что-то не срабатывает и в детских душах, начинающих черстветь всё раньше в свете мертво-голубых всполохов магического ящика и под разрушительным воздействием всепроникающих вирусов вещиц, корысти и ханжества? И всё же, именно дети, такие незащитные и слабые во многом другом, остаются пока самыми устойчивыми в нашем мире перед этой всепроникающей ржавчиной, разносимой взрослыми. И если сохраняется надежда прочесть таинственные послания ёлок, то только с помощью детей.

Скоро опять Новый Год, будто наша планета постоянно уменьшается и вращается всё быстрее и быстрее. «Время, кретин безмерный, вопит, обегая Землю» (Карсон Маккалерс). Осталось всего несколько дней, а в доме у меня снова стоит очередная жертва рождественских ритуалов, которую ещё предстоит украсить. Аромат хвои обволакивает меня, и я ощущаю тихую радость бытия и любви ко всему живому, и потому всегда прекрасному.

Вероятно, её сёстры приложили в далёком прошлом колючие хвойные лапы к моему ещё детскому сознанию. Внушили нечто необходимое, но неосознанное до сих пор. Может, именно поэтому теперь я снова и снова пытаюсь перевести постигнутую однажды душу ёлки на бедный язык людей?

Я внезапно понимаю, если бы она сама могла сейчас обратиться ко мне словами, то сказала бы примерно следующее:

«Сколько же ещё будет продолжаться этот геноцид? Мы тоже хотим жить. И пользы людям принесём больше живые – ведь мы даём в атмосферу кислород, очищаем воздух, без которого вам не жить. Варварские вырубki ускоряют и ваш собственный конец! Неужели, чтобы прекратить это безумие, вам обязательно нужны новые законы, декларации о наших ёлочных правах и прочее? Неужели вы не можете дать нам спокойно прожить свой век без этой дребедени?»

И я совершенно искренно обещаю:

– Это в последний раз. Даю честное слово. Пусть дети порадуются тебе ещё несколько дней. Пусть это останется у них в памяти на всю жизнь, как у меня когда-то. И больше никогда, никогда я не буду потакать алчным ёлоторговцам, уничтожающим зелёный генофонд. И обязательно постараюсь, чтобы другие люди поняли и поступали так же.

Но пока я смотрю на неё, и она продолжает бескорыстно одаривать меня зелёной надеждой – столь необходимой защитой от отчаяния и угроз нашего ядерно-компьютерного века.

Чёрные полуботинки

Как умру – похороните...

Тарас Шевченко

Вынесли его тело. Всё чин по чину. Поддержали открытый гроб на подставленных табуретках, лежал он спокойно с восковой умиротворённостью, словно взирая закрытыми глазами на доступное лишь его внутреннему взору. Совершенно безразличный к окружающему. Затем погрузили в катафалк, и пришлый народ проводил в последний путь, разместившись на втором уже большем автобусе. Его, всю жизнь считавшегося правоверным атеистом, согласно порядкам прежних времён, хотя был он при рождении крещён, но креста не носил и не соблюдал церковных правил, кроме ритуального поедания блинов на масленицу да ежегодного празднования Пасхи, напоследок отпевали в церкви при кладбище.

Всё это время до момента, когда опускали гроб в открытую экскаватором яму, последнее прибежище в промёрзлой кладбищенской земле, слёзы неожиданно приходили ей на глаза. Единственное, что Мария Егоровна вполне осознавала – ничего не останется по-прежнему. Рядом никогда уже не будет его привычного мужского плеча. Взрослые дети, сын и дочь, вполне достойно по среднестатистическим нормам страны, поддерживали мать с двух сторон, она также в чёрном платке, он с неутешным видом, вполне искренним, да иначе и быть не могло, с непокрытой взлохмаченной шевелюрой. Придерживали, будто она могла кинуться за мужем в развёрстую пасть могилы.

Всё в прошлой жизни казалось теперь очень даже неплохим: и редкие ссоры, и вечерняя скука, и молчаливое непонимание в минуты, когда нестерпимо хотелось общения, но, в целом, смерть всё сровняла и сделала прочее незначимым в её глазах. Он умер, и это навсегда. Большая часть её жизни, быта, интересов оказалась в один момент вырезана, на этом месте обнаружилась ничем не заполненная пустота, и теперь, вероятно, ничто уже не сможет заполнить образовавшуюся огромную каверну.

Потом были поминки в снятом кафе, бесконечные соболезнования проходящих и уходящих. Только далеко за полночь, когда зять увёз дочку последней, Мария Егоровна осталась совершенно одна в опустевшей квартире. Ей было страшно, но просить переночевать у неё кого-то из близких, она не решилась. Лежала в оцепенении на показавшейся теперь слишком широкой кровати и вспоминала, вспоминала... Даже так и не разделась...

Под утро он ей приснился. Вполне живой и очень недовольный. Что-то хотел ей сказать, но не успел, только укоризненно покачал головой, в чём-то

упрекая. Мария Егоровна проснулась в испуге с гулко бьющимся сердцем, трясущимися руками накапала себе, не жадничая, корвалол, но сомкнуть глаз уже не смогла.

Что значил странный сон? Что он хотел сказать, в чём она провинилась перед умершим? Лихорадочно пролистала потрёпанную брошюру с толкованиями сновидений, но не нашла в ней ничего путного. «Покойник – к перемене погоды» – вот и вся недолга. Потом потянулись знакомые, приехал сын. Мария Егоровна уже ни на минуту не оставалась одна, и воспоминания приснившегося поблекли, отошли на задворки сознания.

Но пришла неизбежная ночь, снова она увидела умершего мужа. Причём он выглядел ещё более рассерженным, чем накануне.

– Как там? – она смогла заставить непослушные губы произнести всего два слова.

– Мне плохо! – ответил такой знакомый голос и, немного помолчав, ворчливо укорил: – Как ты могла так поступить, Маша?

Она просто похолодела. Что он имеет в виду? Что узнал там про неё такого, чего не ведал раньше? Мария Егоровна лихорадочно постаралась припомнить мнимые и действительные старые грешки... Но ничего существенного, что могло бы задеть его, не могла найти при всём старании. Что же он хочет предъявить? И вдруг чётко осознала: это сон, всего лишь сон!

– Чем я виновата? Что я могу сделать для тебя? – нашла она силы для разумного вопроса.

– Мне нужны мои ботинки, – веско, со значением произнёс умерший. – Мои новые чёрные полуботинки. Мне без них плохо. Почему ты не отдала их мне? – Он всерьёз обвинял её, это вовсе не казалось розыгрышем! Мария Егоровна проснулась, и сердце опять гулко билось в пустой ночи, подкатывая к самому горлу.

Она действительно то ли пожадничала, то ли забыла про купленные месяц назад лакированные штиблеты, которые он и одевал-то всего ничего – когда ходил в последний раз за пенсией и на приём в поликлинику. Форма их застыла в промежуточной фазе между остроносой и прямоугольно-тупорылой, соответственно последней моде. Покойного облачили в другую обувь, вовсе не старую, но приличную и привычную для обоих. А чёрные полуботинки, ещё не разношенные, представились ей тогда чуждыми, не имеющими никакого отношения к умершему. Неужели, действительно это могло оказаться столь важным? Бред какой-то!

Весь последующий день, что бы она ни делала, с кем бы ни говорила, пугающие сны не шли из головы. Мария Егоровна снова вспоминала привидевшееся, при дневном свете оно казалось нелепым и бестолковым. Но с приближением ночи её начинал охватывать страх.

И снова, как она ни боролась с подступавшим сном – пила крепкий кофе, пыталась звонить знакомым, смотреть бессмысленные передачи по телевизору, оказалась побеждена дремотой, и заснула внезапно, не раздевшись, при включённом экране.

И тут же он явился снова, живой и реальный, будто не умер совсем недавно. С тем же недовольным и раздражённым видом. Упреждая поправки, она спросила, не надеясь особо на вразумительный ответ, сознавая, что всего лишь снится сон:

– Чем я могу помочь тебе, как всё исправить?

– Я не успокоюсь, пока не отдашь ботинки.

Что за странный фетишизм! Но расспрашивать сейчас или спорить не имело смысла.

– Как же передать? Ты сам не можешь забрать их?

– Нет, конечно! – возмущённо, едва не фыркнув, оборвал он.

Всё же Мария Егоровна признала, что в целом её муж выглядел спокойнее, отрешённое от всего, чем при жизни, будто постиг нечто недоступное её пониманию. Сны не возникают из ничего, что-то наверняка скрыто за их ускользающей дымкой.

– Как быть? – спросила она, внутренне не переставая удивляться бессмысленности разговора во сне. – Не могу же я разрыть твою могилу!..

– Сделай так, – терпеливо объяснил он, словно говорил с несмышлёной девочкой, только она действительно не имела ни малейшего понятия, как ей поступить дальше. – Отвези их с коробкой по адресу... – последовало название улицы и номер дома. – Попроси там передать, просто положить в могилу... В их могилу, – тут же уточнил он уже раздражённо. – И больше ничего не надо. Ты поняла?

Мария Егоровна торопливо кивнула, не зная, что думать, боясь переспросить и, тем более, не согласиться.

– Это важно для меня. Понимаешь? Я прошу сделать именно так... Обещай мне, Машенька!

– Да, – выдавила она и озвучила непослушными губами. Он так редко называл её «Машенькой»! Скорее всего, она не поймёт, пока не окажется там сама. Когда он просил её о чём-то в последний раз? Даже не припомнить. Раз это значимо для него, так оно и есть, хотя выше её разума. Неужто, порядки на «том свете» не менее бессмысленные, чем в здешней жизни? – Да, обещаю...

Он ласково совсем по-прежнему кивнул на прощание, и снова Мария Егоровна проснулась с гулко прыгающим сердцем. Полежала, приходя в себя, приняла ставший привычным корвалол. Сколько ещё он будет так её мучить? Надо сделать, как просил. Странно, впервые услышанный адрес чётко отпечатался в памяти.

На следующее утро Мария Егоровна упаковала полуботинки в коробку, повязала чёрный платок и поехала по воле усопшего. Улица находилась на другом берегу реки, на противоположной стороне города.

Пока ехала на маршрутном такси, пока искала табличку с нужным названием и номером, Мария Егоровна чувствовала себя последней душой. Не менее полутора часов прошло, пока она добралась до неказистого одноэтажного домика с давно некрашеным деревянным забором. Ничем особенным не выделялся он среди подобных же осколков минувших эпох.

Сердце ёкнуло, сомнения испарились, когда она увидела автобус с чёрной каймой на борту и понурых людей у калитки. Белые снежинки бесшумно кружились и падали с неба, не нарушая торжественности знакомой траурной картины.

Мария Егоровна не знала, с чего начать разговор, долго не осмеливалась войти внутрь. Только завидев вышедшую во двор заплаканную женщину в чёрном, внешне гораздо моложе её самой, решила подойти.

Та с изумлением, но, не перебивая, выслушала Марию Егоровну, на её широко раскрытых глазах навёртывались крупные слёзы и тут же скатывались по проторенным на щеках дорожкам. Она тоже хоронит мужа, с которым прожила почти тридцать лет. Незнакомка выглядела приличной

здравомыслящей дамой и необъяснимо вызывала расположение, без малейшего намёка на злую шутку или розыгрыш.

Мария Егоровна не удивилась бы отказу, но хозяйка поверила и сочувственно выслушала необычную посетительницу.

– Вы действительно можете сделать так? – с тревогой спросила Мария Егоровна, заканчивая торопливые объяснения.

– Оставьте, я верю вам. Почему же, не помочь? Неизвестно, что ждёт там нас самих... Только, как лучше сделать? – уже деловито поделилась вслух женщина и пояснила: – Ведь, в гроб-то, наверное, не получится...

– Просто положите в могилу, он так, вроде, просил... Не знаю, как и благодарить...

Они помолчали, Мария Егоровна с внезапной признательностью, новая знакомая озабоченно обдумывая дальнейшее. Мужчины курили у забора, женщины тихо переговаривались во дворе. С улицы подходили новые посетители с цветами и без. Время выноса приближалось.

– А как вы объясните своим? – забеспокоилась Мария Егоровна.

– Сейчас не стану. Это потом. Давайте коробку, и будьте спокойны, сделаю как надо.

Испытывая облегчение, Мария Егоровна передала посылку из рук в руки.

Подруга по несчастью исполнила, что обещала, в чём и отчиталась при следующей встрече. Больше им говорить оказалось не о чем, всё происшедшее воспринималось теперь обеими само собой разумеющимся, будто иначе и быть не могло.

Главное, муж перестал беспокоить её в снах, хотя Марию Егоровну теперь этого очень сильно хотелось.

Стрелки перескочили

Миг поймать не удалось, но стрелки часов перескочили на множество оборотов вперёд, да так быстро, что никто поначалу и не заметил.

Просто жили в одной стране, а оказались в совершенно другой, в которой мерзостей оказалось намного больше, а населения значительно меньше. И почти все корни такого разлада дружно тянулись из прошлого.

Если расплавленные циферблаты Сальвадора Дали можно было считать за аллегорическое выражение тягучести, вязкости времени, то для иллюстрации обнаруженной перемены подошли бы полностью разбитые часы с оторванными напрочь стрелками.

Вслед за тем вдруг открылось, будто пелена слетела с глаз, что немногие оставшиеся ещё в живых друзья и знакомые моментально внешне постарели, интересы большинства из них застряли в минувшем, и говорить-то с ними оказалось неинтересно, да и совершенно не о чем. То же самое полностью относилось и к женщинам. Как-то сразу утратили озорной, игривый блеск в глазах те, у кого он когда-то имелся, и превратились в одночасье в бабушек-старушек, только и кудахтающих наперегонки о достоинствах своих пока ничем не выдающихся внуков.

Попробуй, заикнись кому-нибудь из них о своём восторге от музыки MUSE или о последнем клипе Селены Гомез, на тебя тут же посмотрят как на

идиота или инопланетянина. Впрочем, и упоминание перед ними «Феномена человека» де Шардена или «Общего дела» Николая Иванова вызовет тот же самый эффект.

И начинаешь думать, может, дело совсем не в них, в этих знакомых, вдруг резко оказавшихся посторонними, даже чужими, а в тебе самом? Что-то не то приключилось с тобой в первую очередь? Пусть продолжаешь чувствовать себя по-прежнему, интересы не потерялись, даже появляются иногда вроде бы из ниоткуда новые необъяснимые пристрастия, симпатии, увлечения. Остаётся прибегнуть к непредвзятому свидетельству первого попавшегося зеркала. И что же там видишь? Чужая, вовсе не симпатичная рожа, принадлежащая кому-то постороннему, вовсе не тебе самому. Постаревшая, как бы впервые видимая, только в глазах при настойчивом вглядывании обнаруживается нечто отдалённо узнаваемое, будто скрытое в их глубине воспоминание.

Где найти точку отсчёта для сравнения? Ясно только одно: неумолимый скачок времени не пощадил и тебя, размазав твою внешность по невидимому часовому циферблату. И всё-таки ты это видишь, думаешь об этом, можешь, если не смириться, то попытаться как-то осмыслить данность перемены для себя.

Даже удаётся ухватить за хвост изворотливо ускользающую надежду: вдруг всё, что так беспощадно увиделось и осозналось в единый миг, все эти оставшиеся необратимыми искажения вокруг порождены только сдвигом внешнего времени? И где-то в глубине себя сохранился прежний отсчёт, и твои собственные биологические часы продолжают беззвучно тикать, вовсе не соответствуя безжалостности этого наружного течения с непредсказуемыми переменами? Если копнуть, для себя ты остался тем далёким патлатым пацаном, слушающим в сквере неведомо как раздобытый последний альбом Битлз на маленькой круглой бобине древнего переносного кассетника. А вокруг в волшебных звуках той, продиравшей до печёнок музыки абсолютно все ощущаются друзьями и братьями, даже совершенно незнакомые до того, и двух-трёх бутылок дешёвого креплёного вина с несколькими сигаретами уже достаточно на два десятка человек по кругу, чтобы казаться небывало щедрым пиром, закрепляющим навечно это иллюзорное единение, неоспоримым залогом лучшего впереди?

И теперь остаётся лишь верить, что это внутреннее время с иной, собственной скоростью течения и дальше защитит от непредсказуемых ударов извне, и позволит бросить якорь в окружающем море нестабильности, создать свою надёжную точку опоры в неизбежности будущего. LET IT BE!¹

¹ «Пусть будет так» – песня из репертуара «Битлз» (1970).